

Содержание

Введение. Пересечения	6
Глава 1. Жизнь на территории ислама	23
Глава 2. Жизнь на «территории войны»	85
Глава 3. Сочинительство в Италии	140
Глава 4. Между Африкой и Европой	176
Глава 5. Восприятие Африки	201
Глава 6. Между исламом и христианством	241
Глава 7. Любопытство и связи	298
Глава 8. Перевод, передача и дистанция	349
Глава 9. Возвращение	385
Эпилог. Сближения	408
Условные сокращения	424
Указатель имен (<i>сост. М. Петровских</i>)	425

Введение

Пересечения

В 1514 году король Португалии Мануэль I подарил папе Льву X белого слона из Индии. Слон, которого ликующие римляне торжественно провели по улицам города в пышной парадной процессии и нарекли «Анноне», или Ганнон, должен был символизировать намерение португальского короля привести в лоно христианства все владения от Северной Африки до Индии. Ганнон прожил в своем загоне три года, украшал собою публичные церемонии и празднества и был любимцем папы римского и простого люда. О нем писали поэты, мифографы и сатирики, его изображали на рисунках, картинах и гравюрах, в оформлении фонтанов, на барельефах и майоликовых блюдах. Рафаэль создал фреску в память о нем¹.

В 1518 году один испанский корсар, совершив ряд успешных нападений на корабли мусульман в Средиземном море, подарил тому же папе взятого в плен североафриканского путешественника и дипломата из Феса по имени ал-Хасан ал-Ваззан. Предполагалось, что он послужит полезным источником информации, а также своего рода символом в крестовом походе против турок-османов и против исламской веры, которого желал папа: ведь с тех пор как турки завоевали Константинополь в 1453 году, они все настойчивее угрожали христианскому миру. Появление в Риме арабского дипломата и заключение его под стражу запечатлелись в дневниках и дипломатической переписке. Его крещение в соборе Святого Петра, состоявшееся через пятнадцать месяцев, обернулось пышной церемонией. Один библиотекарь записывал, какие книги араб брал читать. Однако

1. *Bedini S.A. The Pope's Elephant. London, 1997; особенно см. гл. 2, 4, 6–7.*

в сравнении с судьбой Ганнона девятилетнее пребывание ал-Хасана ал-Ваззана в Италии оказалось не зафиксированным теми, кто его видел, его присутствие не увековечили те, кому он служил и кого он знал, никто не рисовал и не перерисовывал его изображений, о его возвращении в Северную Африку упомянули лишь позже, и то косвенно. В памяти европейцев, интересующихся арабской словесностью и литературой о путешествиях, остался лишь краткий отрезок его жизни, рассказы о котором передавались устно и были записаны годы спустя.

В Северной Африке — такое же непонятное молчание. В те годы, когда ал-Хасан ал-Ваззан служил доверенным лицом султана Феса в городах Атлантического побережья Марокко, португальские военные и администраторы не упоминали о нем в своих многоречивых письмах королю Мануэлю. А когда он исполнял дипломатические обязанности в Каире, о нем ни словом не обмолвился тот внимательный наблюдатель, который вел журнал регистрации дипломатических миссий, прибывавших ко двору мамлюкских владык Египта и Леванта.

А между тем ал-Хасан ал-Ваззан оставил в Италии несколько рукописей, и одна из них, опубликованная в 1550 году, стала бестселлером. На протяжении веков его книга вызывала любопытство читателей и ученых по всему свету. С первым же изданием возникли загадки, связанные с автором и даже с его именем. Издатель книги, Джованни Баттиста Рамузио, озаглавил ее «La Descrittione dell’Africa» («Описание Африки»), назвал сочинителя именем, данным тому при крещении, — «Giovan Lioni Africano» — и включил его краткую биографию в свое посвящение. Под этим именем автор и значился в нескольких изданиях книги, выходившей в Венеции в качестве первого тома издаваемой Рамузио серии «Плавания и путешествия». И под ним же он был известен в европейских переводах, появившихся вскоре: «Jean Leon, African [sic]» в переводе на французский (1556); «Ioannes Leo Africanus» на латыни (1556); «John Leo, a More» на английском (1600). В 1805 году последовал немецкий перевод труда «Johann Leo der Africaner» — Иоганна

Лео Африканца, — а его книга продолжала формировать представления европейцев об Африке, прежде всего потому, что она исходила от человека, который сам жил и путешествовал в тех краях¹.

Тем временем один исследователь из библиотеки Эскориала в Испании, христианин-маронит из Сирии, наткнулся на арабскую рукопись ал-Ваззана, посвященную другой теме. На ней значилось как мусульманское, так и христианское имя автора, и оба их библиотекарь внес в свой каталог, опубликованный в 1760–1770 годах. Столетие спустя, когда «Описание Африки» удостоилось включения в состав «Rescueil de voyages» («Собрания путешествий») выдающегося французского востоковеда Шарля Шефера, во введении появилось арабское имя автора; а в публикации классической серии литературы о путешествиях Общества Хаклюйта в Англии титульный лист гласил: «Ал-Хассан ибн-Мохаммед Ал-Везаз Ал-Фаси, мавр, крещенный как Джованни Леоне, но более известный как Лев Африканский»².

Тем не менее автор сочинения оставался призрачной фигурой. Однако затем, в первые десятилетия XX века, ряд ученых по-новому подошли и к книге, и к этому человеку. Молодой Луи Массиньон, работавший в области развивавшихся французских «колониальных наук», посвященных изучению географии, истории и этнографии Африки, защитил в Сорбонне диссертацию о Марокко

1. Johann Leo's des Africaners Beschreibung von Africa / Hrsg. G.W. Lorschach. Herborn, 1805. См. обсуждение в: *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. Seine Beschreibung des Raumes zwischen Nil und Niger nach dem Urtext.* Wiesbaden, 1999. S. 165–171.
2. *Casiri M. Bibliotheca Arabico-Hispana Escorialensis.* Madrid, 1760–1770. 2 vols. Vol. 1. P. 172–174; *Description de l'Afrique tierce partie du monde écrite par Jean Léon African / Sous la dir. de Ch. Schefer.* Paris, 1896–1898. 3 vols. Ш. Шефер (1820–1898) основал Школу восточных языков (*École des langues orientales*), опубликовал ряд текстов о Персии и о путешествиях в мусульманские страны и собрал огромную коллекцию рукописей, приобретенную впоследствии Национальной библиотекой; *The History and Description of Africa... written by Al-Hassan Ibn-Mohammed Al-Wezaz Al-Fasi, a Moor, baptized as Giovanni Leone, but better known as Leo Africanus / Ed. by R. Brown.* London, 1896. 3 vols. Во введении к немецкому переводу Лорсбаха также приведено арабское имя (*Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner.* S. 31, n. 118).

начала XVI века по описанию Льва Африканского. Основываясь на внимательном критическом чтении текста (этот прием анализа достигнет расцвета в его последующих крупных исследованиях по суфийскому мистицизму и поэзии), Массиньон извлек все возможные сведения не только о географии Марокко, но и о жизни и путешествиях ал-Ваззана, а особенно о его источниках и методах наблюдения и классификации. Структура книги ал-Ваззана являлась, по мнению Массиньона, «весьма европеизированной», но «сущность ее была очень арабской». Исследование Массиньона вышло в свет в 1906 году, в тот момент, когда Франция предпринимала активные шаги для установления своего протектората над Марокко¹.

Специалист по исторической географии Анджела Кодацци хорошо знала книгу Массиньона и серьезно относилась к выраженной им надежде на то, что оригинальная рукопись ал-Ваззана когда-нибудь найдется. Имея непосредственный доступ к собраниям итальянских библиотек, в 1933 году она объявила, что обнаружила итальянскую рукопись «Описания Африки», текст которой, как оказалось, отличается от печатного издания Рамузио. Тем временем Джорджио Леви делла Вида, замечательный исследователь семитских языков и литературы, тоже совершал открытия. Отстраненный от университетского преподавания в 1931 году как антифашист, он был приглашен составить каталог арабских рукописей библиотеки Ватикана.

1. *Massignon L.* Le Maroc dans les premières années du XVIe siècle. Tableau géographique d'après Léon l'Africain. Algiers, 1906. P. 43–45. В предисловии Массиньон выразил благодарность своему руководителю диссертации, специалисту по географии колоний Огюстену Бернару и фольклористу Рене Бассэ, знатоку берберских и североафриканских народных сказок (Ibid. P. IX–X). На симпозиуме «Лев Африканский», состоявшемся в Высшей школе социальных наук в Париже 22–24 мая 2003 года, Дэниел Нордман представил отличный доклад о книге Массиньона «Le Maroc dans les premières années du XVIe siècle. Tableau géographique d'après Louis Massignon», который вышел в публикации материалов симпозиума: Léon l'Africain / Sous la dir. de Fr. Pouillon, O. Zhiri. Paris, 2009. P. 289–304. Об изучении «колониальных наук» во Франции см.: *Tai L.-Ch.* L'ethnologie française entre colonialisme et décolonization (1920–1960). Thèse de doctorat en histoire. Paris, 2001.

В 1939 году он уехал в Соединенные Штаты — акт самосохранения для еврея, — однако прежде он успел внести последние штрихи в свою книгу о формировании восточных собраний Ватикана. В изобилии ее ценнейших сведений читателю открывается немало информации и о том, как читал, писал и каким образом подписывался ал-Хасан ал-Ваззан. Вернувшись в Италию после войны, Леви делла Вида помогал Кодацци разбираться с прочтением еще двух найденных ею рукописей «Джованни Леоне Африкано» на другие темы¹.

Последней важной публикацией «Жана-Леона л'Африкена» в рамках колониального направления был новый французский перевод и комментарий, подготовленный Алексисом Эполяром. За годы, проведенные в Марокко в качестве врача и офицера французского протектората, Эполяр проникся восхищением «исключительною ценностью» — как исторической, так и географической — «Описания Африки». Его книга опирается на работы Массиньона и Кодацци, но не следует их духу. Эполяр читал итальянскую рукопись в Риме в 1939 году — и приветствовал замысел Кодацци однажды опубликовать ее (увы, неосуществленный), — тем не менее его вариант «Описания» представляет собой смесь переводов из текста Рамузио, отдельных отрывков из рукописи и модернизированных фрагментов французского перевода XVI века. Он пренебрег вероятностью того, что за расхождениями между текстами могут стоять весьма существенные различия во взглядах и в способности воспринимать иную культуру.

Как и Массиньон, Эполяр сопоставляет сведения, приведенные в «Описании Африки», с материалами, почерпнутыми за пределами его страниц, — от расстояний

1. *Codazzi A. Leone Africano* // *Enciclopedia italiana*. Rome, 1933. Vol. 20. P. 899; *Idem*. Dell'unico manoscritto conosciuto della Cosmografia dell'Africa di Giovanni Leone l'Africano // *Comptes rendus du Congrès international de géographie* (Lisbonne, 1949). Lisbon, 1952. Vol. 4. P. 225–226; *Idem*. Il Trattato dell'Arte Metrica di Giovanni Leone Africano // *Studi orientalistici in onore di Giorgio Levi Della Vida*. Rome, 1956. 2 vols. Vol. 1. P. 180–198; *Levi Della Vida G.* Ricerche sulla formazione del più antico fondo dei manoscritti orientali della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1939. P. VIII (посвящение датировано в Риме августом 1939 года). P. 99–110.

между различными пунктами до хода исторических событий — и при необходимости исправляет ал-Ваззана. В его издании прояснены географические названия, идентифицированы арабские авторы, которых он цитировал. Для достижения этой цели Эполяр собрал группу французских специалистов в области субсахарских исследований, двое из которых работали в Дакаре во Французском институте Черной Африки, а также консультировался со знатоками североафриканского фольклора и историографии. Составленные ими пояснения полезны, но они не затрагивают вопроса, поднятого Массиньоном, — о месте этого текста или его автора в том мире, о котором он писал, и в отношении к миру, для которого он писал. Противоречия снова оказались сглажены: Эполяру нравилось думать, что «Жан Леон» так и оставался христианином в Италии и никогда ее не покидал.

Эполяр не дождался осуществления своего проекта. Группа сотрудников завершила его, и «Описание» было издано в Париже Институтом высших научных исследований Марокко в 1956 году, тогда же, когда Марокко стало независимым государством¹.

Группа Эполяра видела в числе своих читателей прежде всего историков-африканистов, и специалисты по Африке южнее Сахары и в самом деле не замедлили откликнуться на публикацию, высказывая свое мнение о надежности ал-Ваззана как очевидца. В последние десятилетия XX века ученые из Европы, Африки и Америки сопоставляли его

1. *Jean-Léon l'Africain. Description de l'Afrique / Trad. de A. Épaulard, ann. par A. Épaulard, T. Monod, H. Lhote, R. Mauny // Publications de l'Institut des Hautes Études Marocaines. № 61. Paris, 1956. P. V–XVI.* Обращение Алексиса Эполяра к рукописи V.E. 953 в Центральной национальной библиотеке в Риме (Biblioteca Nazionale Centrale) 6–20 июня 1939 года зафиксировано в списке использования, вложенном в рукопись. А. Эполяр (1878–1949) учился медицине в университете Лиона, защитил работу «Vampirisme, nécrophilie, nécrosadisme, nécrophagie» (Lyon, 1901). Т. Моно, профессор Музея естественной истории в Париже, был одним из двоих основателей Французского института Черной Африки в 1938 году. К моменту выхода в свет «Описания Африки» Моно стал спонсором нового журнала, основанного африканскими интеллектуалами — *Présence africaine* — и издававшегося в Дакаре и Париже (*Tai L.-Ch. L'ethnologie française. P. 195, 253–255*).

страницы о Черной Африке с другими свидетельствами и позднейшими описаниями: некоторые утверждали, что он сообщает убедительные и ценные подробности о малоизвестных обществах и королевствах, другие — что он рассказывает небылицы, собранные в Томбукту, дальше которого он никогда не ездил. Кто-то удостоверил сведения ал-Ваззана о некоем правителе, еще кто-то доказал, что его сообщение о завоевании ложно, кто-то подтвердил, что он верно описал правило торговли, а другой обнаружил, что отмеченный им пожар больше никто не упоминает. Все эти попытки — в достойном стремлении к «скрупулезному обращению» с первоисточником — разбивают «Описание» на фрагменты вместо того, чтобы рассматривать его как цельное произведение или анализировать писательские приемы его автора¹.

Пока африканисты спорили, на сцену вышло новое, постколониальное, поколение читателей ал-Хасана ал-Ваззана. Самой видной из них была Умельбанин Жири, чьи собственные пути привели ее из родного Марокко во Францию и Соединенные Штаты. Вышедшая в 1991 году, ее книга «Африка в зеркале Европы: судьба Жана Леона

1. Например: *Kalck P. Pour une localisation du royaume de Gaoga // Journal of African History. 1972. № 13. P. 520–540; O'Fahey R.S., Spaulding J.L. Comment: The Geographic Location of Gaoga, а также: Kalck P. Response // Journal of African History. 1973. № 14. P. 505–508; Fisher H.J. Leo Africanus and the Songhay Conquest of Hausaland // International Journal of African Historical Studies. 1978. № 11. P. 86–112; Hamani D.M. Au carrefour du Soudan et de la Berberie: le sultanat touareg de l'Ayar. Niamey, 1989. P. 177–178, 181, 184; Hunwick J.O. Timbuktu and the Songhay Empire: Al-Sa'di's Ta'rikh al-Sudan down to 1613 and other Contemporary Documents Leiden, 1999. P. 113, 285, n. 74; Masonen P. The Negroland Revisited: Discovery and Invention of the Sudanese Middle Ages. Helsinki, 2000, гл. 4 (П. Массонен сомневается, что ал-Ваззан видел хоть какую-то часть Африки южнее Сахары, за исключением своего первого приезда в Томбукту, см.: *Ibid.* P. 188–189). По заключению Дж. Ханвика, ал-Ваззан посетил по меньшей мере часть из описанных им областей к югу от Сахары. Он использует текст ал-Ваззана взвешенно и убедительно, опираясь на свое исключительное владение материалом источников по истории Черной Африки. Подход П. Калька необычен тем, что он объясняет сомнительные места или пропуски в «Описании Африки» иными причинами, чем забывчивость автора или передача слухов, — учитывая, в каком положении находился «Léon l'Africain», когда писал эту книгу, он задается вопросом: о чем тот, возможно, хотел сказать и о чем умолчал (*Kalck P. Pour une localisation. P. 546–547*).*

Африканца в эпоху Возрождения» показала, как печатные издания книги Жана Леона влияли на представления европейцев о народах, ландшафтах и прошлом Африки. Подробно исследуя, что именно европейские авторы заимствовали, переделывали, а иногда и игнорировали в «Описании Африки», она привлекала широкий круг источников и материалов — литературные произведения, сочинения по истории и географии. Она по-новому показала, какое место занимал неевропейский мир в сознании эпохи Возрождения. В противоположность прежним исследованиям восприятия «турков» европейцами, где вся картина формировалась европейской стороной, «Зеркало» У. Жири рисует взаимный процесс, в котором североафриканец Жан Леон играет активную роль. Затем она проследила, как шел этот процесс на протяжении веков, а ныне обратилась к изучению проблем самой рукописи¹.

Второе крупное исследование, связанное с фигурой Льва Африканского, происходит из другой части мира и развивает этот сюжет в иных направлениях. Дитрих Раухенбергер, прослуживший несколько лет в качестве немецкого кадрового офицера и дипломата в Марокко и Тунисе, глубоко погрузился в исследование загадочного ал-Хасана ал-Ваззана. Шаг за шагом поиски привели его в Рим, к рукописи об Африке, которая легла в основу его солидного труда «Johannes Leo der Afrikaner» (1999). Раухенбергер рассказал о жизни, творчестве и итальянском окружении Йоханнеса

1. *Zhiri O.* L'Afrique au miroir de l'Europe: fortunes de Jean Léon l'Africain à la Renaissance. Genève, 1991; Les sillages de Jean Léon l'Africain: XVIe au XXe siècle. Casablanca, 1995; «Il compositore» ou l'autobiographie élatée de Jean Léon l'Africain // Le voyage des théories / Sous la dir. de A. Benmakhlouf. Casablanca, 2000. P. 63–80. Под влиянием «Африки в зеркале Европы» У. Жири молодое поколение литературоведов обратилось к тексту ал-Ваззана, чтобы заново взглянуть, как проблемы расы, неевропейской сексуальности, колонизации воздействовали на творческое воображение европейцев. См., в особенности: *Hall K.F.* Things of Darkness: Economics of Race and Gender in Early Modern England. Ithaca; London, 1995. P. 28–40; *Andrea B.* The Ghost of Leo Africanus from the English to the Irish Renaissance // Postcolonial Moves: Medieval Through Modern / Ed. by P.C. Ingham, M.R. Warren. New York, 2003. P. 195–215. См. также информативный веб-сайт Кристель де Руврэ (Cristel de Rouvray): www.leoafricanus.com.

Лео и прояснил малоизвестную историю откликов на его работы среди немецких ученых. Сильная сторона исследования Раухенбергера заключается в замечательной трактовке противоречивых страниц ал-Ваззана о странах Африки к югу от Сахары. Он использовал рукопись и ее расхождение с печатными изданиями, чтобы оценить, насколько ал-Ваззан достоин доверия как наблюдатель и путешественник, причем поместил свой анализ в контекст яркой и богатой сведениями картины субсахарского региона и его народов. В заключение он с одобрением процитировал одного из специалистов по Африке из группы Эполяра: «Нам повезло, что работа Лео Африкануса была адресована одной из европейских аудиторий и создавалась в Европе. Если бы он писал для арабской аудитории, то, несомненно, опустил бы многие ценные детали, считая их общеизвестными»¹.

Ученые-арабисты и арабские ученые, работающие в Марокко, все чаще обращаются к ал-Хасану ал-Ваззану и его книге об Африке. В 1995 году Серафин Фанжул, специалист по арабской литературе, заново перевел изданное Рамузио «Описание» на испанский язык. Этим он хотел сократить разрыв между арабистами и европеистами, а вместе с тем заявить о принадлежности «Хуана Леона», родившегося в Гранаде, и его книги к многосоставному «культурному наследию» Испании².

У Фанжула были известные сомнения в искренности обращения Хуана Леона в христианство — этот поступок с самого начала вызывал настороженность у марокканских

1. *Rauchenberger D. Johannes Leo der Afrikaner. S. 237.* Раухенбергер ссылается здесь на высказывание Реймона Мони (*Mauny R. Tableau géographique de l'Ouest Africain au Moyen Age d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie. Dakar, 1961. P. 47*). Немецкий исследователь также использует собственную расшифровку рукописей ал-Ваззана, касающихся Африки южнее Сахары.
2. *Juan León Africano. Descripción general del África / Trad. S. Fanjul. Barcelona; Madrid, 1995. P. 11–47.* Подобно Массиньону в первые годы XX века, С. Фанжул характеризует этот труд как «арабский по своей тематике, хотя и итальянский по форме и непосредственному побуждению» (*Ibid. P. 43*). Более ранний перевод издания Рамузио на испанский язык вышел в 1940 году в издании Института испано-арабских исследований генерала Франко (*Instituto General Franco de Estudios e Investigación Hispano-Árabe*).

ученых. В своем новаторском исследовании 1935 года Мухаммад ал-Махди ал-Хаджви описал ал-Хасана ал-Ваззана как пленника, которого принудили к обращению и который всегда сохранял преданность своему народу и вере и сам оказывал влияние на папу римского. Сорок пять лет спустя, в 1980 году, в Рабате вышел первый перевод книги ал-Ваззана об Африке на арабский язык. Ее переводчик, Мухаммад Хаджи, незадолго до этого защитил в Сорбонне диссертацию об интеллектуальной жизни Марокко в XVI–XVII веках и стал профессором истории в университете Рабата. Во введении к своему переводу французского текста, изданного Эполяром, М. Хаджи заявил о правах Марокко на ал-Ваззана, утверждая, что тот симулировал обращение в христианство и что некоторые особенности «Описания», такие как использование автором местоимения «мы», свидетельствуют о его неизменной преданности исламу¹.

Все эти проблемы были заново подняты в 2003 году на парижской конференции, посвященной «Леону Африканцу», где собрались ученые из Магриба, Европы и Северной Америки, интересующиеся этой загадочной фигурой. К тому времени вопрос о восстановлении его принадлежности Марокко несколько утратил остроту. Путь к этому в определенной степени расчистил не научный труд, а снижавший широкую популярность у читателей яркий роман «Леон Африканский» (1986), написанный Амином Маалуфом. Рожденный в Ливане, в семье смешанной религиозной принадлежности и большого географического разброса, Маалуф работал журналистом в арабской прессе, а затем, когда гражданские войны разорвали на части его

1. *Al-Mahdi al-Hajwi M. Hayat al-Wazzan al-Fasi wa-atharuh. Rabat, 1935; Al-Hasan al-Wazzan. Wasf Ifriqiya / Tarjamat M. Hajji. Rabat, 1980; Hajji M. L'activité intellectuelle au Maroc à l'époque Sa'dide. Rabat, 1976–1977. 2 vols.* Интересные сообщения, посвященные исследованию ал-Хаджви и переводу Хаджи, были сделаны на симпозиуме «Léon l'Africain» (EHESS, Paris, 22–24 мая 2003 года). О первом сделал доклад Ален Руссийон (Alain Roussillon. «Une lecture réformiste de Leo Africanus: Patrimonialisation d'un renégat»), о втором — Дрисс Мансури (Driss Mansouri). Сообщение Руссийона вышло в: *Roussillon A. Une lecture réformiste de Leo Africanus: Patrimonialisation d'un renégat // Léon l'Africain / Sous la dir. de F. Pouillon. Paris, 2009. P. 333–348.*

родину, переехал во Францию. Там он завершил свое образование в области экономики и социологии, выступал как редактор и автор статей журнала *Jeune Afrique*, посвященного проблемам движений за независимость Африки и вновь образованных государств, а в 1983 году выпустил сборник материалов на французском и арабском языках о крестовых походах глазами арабов.

Три года спустя Маалуф заявил о себе как исторический романист, пишущий на французском языке об арабском и исламском прошлом, и в лице Лео Африкануса, или ал-Хасана, создал образ, прекрасно выразивший его собственный способ подняться над языковой, религиозной, национальной идентичностями, которые сковывают и ограничивают человека. «Я родом не из страны, не из города, не из племени, — говорит его герой в начале романа. — Я сын дороги, моя страна — караван... мне принадлежат все языки, все молитвы». А о самом себе Маалуф пишет: «Я претендую на все грани культуры как той страны, где я родился, так и моей второй родины»; и еще: «Я происхожу из племени, которое испокон веков кочует в пустыне величиной с целый мир. Наши страны — это оазисы, которые мы покидаем, когда высыхает вода... Мы связаны друг с другом через поколения, через моря, через вавилонское смешение языков лишь невнятным звучанием имени». Важны пути, а не корни: в Льве Африканском Маалуф увидел фигуру из своего средиземноморского прошлого, в которой слились воедино его «многообразные культуры»¹.

Историки могут счесть, что Маалуф нарисовал портрет ал-Ваззана несколько оторванным от реальности, произвольно наделив его вкусами, взглядами и чувствами, однако этот портрет стимулировал появление новых вопросов. На симпозиуме 2003 года коллеги из стран Магриба по-разному оценивали место ал-Ваззана в культуре, но все

1. *Maalouf A. Léon l'Africain*. Paris, 1986. P. 7, 9; Idem. *Les croisades vues par les Arabes*. Paris, 1983; Amin Maalouf // Ancelovici M., Dupuis-Déri F. *L'archipel identitaire. Recueil d'entretiens sur l'identité culturelle*. Montréal, 1997. P. 169–172; *Maalouf A. Origines*. Paris, 2004. P. 9–10; Беседа автора настоящей книги с Амином Маалуфом (Париж, 17 октября 1997 года).

считали, что эта проблема требует решения. Философ Али Бенмахлуф поместил присущее ал-Ваззану искусство описания в чисто европейский контекст; исторический антрополог Хуари Туати увидел в его описании африканских животных связь с более ранними арабскими образцами; Ахмед Бушарб заметил в трактовке ал-Ваззаном сражений между португальцами и марокканцами следование определенным формам арабской историографии, однако счел, что, судя по беспристрастности изложения, автор отбросил всякое сочувствие к миру, откуда сам вышел; в то же время Абдельмаджид Каддури интерпретировал «Описание» ал-Ваззана в категориях как арабских, так и европейских жанров¹.

* * *

Интерес коллег из Магриба к определению места в культуре и к движению между культурами ближе всего к предмету моих собственных занятий. Впервые я встретила

1. *Benmakhlouf A.* Cosmologie et cosmographie au XVIe siècle: le statut épistémique de la description; *Touati H.* La giraffe de Léon l'Africain; *Boucharb A.* La conquête ibérique du littoral marocain d'après la Description de l'Afrique: vision d'une entreprise guerrière en terre d'Islam; *Kaddouri A.* Al-Wazzan de part et d'autre de la Méditerranée: Lire Léon dans une perspective de regards croisés — все эти доклады были представлены на симпозиуме «Léon l'Africain» (EHESS, Paris, 22–24 мая 2003 года). Очерк Ахмеда Бушарба опубликован в: *Léon l'Africain / Sous la dir. de F. Pouillon.* Paris, 2009. P. 67–81. Еще двое марокканских ученых написали об ал-Ваззане в книге, которая попала мне в руки, когда моя собственная работа уже ушла в печать: Хамид Трики и Амина Аушар, авторы вступительных очерков к прекрасно иллюстрированному изданию разделов книги ал-Ваззана, посвященных Фесу, в переводе Эполяра (*Fez dans la Cosmographie d'Al-Hassan ben Mohammed al-Wazzan az-Zayyat, dit Léon l'Africain.* Mohammedia, 2004).

В представленном историографическом обзоре автор не рассматривает традицию изучения жизни и творчества ал-Хасана ал-Ваззана на русском языке. В связи с этим необходимо в первую очередь отослать читателя к книге: Лев Африканский. Африка — третья часть света. Л., 1983. Эта книга вышла в серии «Литературные памятники», текст русского перевода книги Льва Африканского был подготовлен Виктором Владимировичем Матвеевым (1928–1995) на основе итальянского перевода Джованни Батисто Рамузио, который был сверен с французским переводом Алексиса Эполяра. Кроме того, данное издание содержит значительную статью В.В. Матвеева «Лев Африканский. Его время, его жизнь, его труд» (*Прим. науч. ред.*).

с «Описанием Африки» ал-Хасана ал-Ваззана больше сорока лет назад, когда только что закончила докторскую диссертацию о протестантизме и книгопечатниках Лиона в XVI веке. Одним из этих лионских протестантов был купец и издатель Жан Тампораль, который в середине 1550-х годов перевел «Описание Африки» на французский язык и выпустил в свет в печатном виде. Я восхищалась широтой интересов Тампоралья и гравированными иллюстрациями работы его родственника¹, на которых представлена воображаемая Африка. Но тогда мое внимание было приковано к другому: к противостоянию рабочего и работодателя, мирянина и священнослужителя в напряженной жизни французского города — к предметам, которыми мало занимались историки в 1950-х годах. Первое знакомство Европы с Африкой, запечатленной в «Описании» ал-Ваззана, казалось далеким и не столь актуальным. Обращения в иную веру, которые я пыталась исследовать, — переходы из католицизма в протестантизм, казались особенно интересными, наверное, потому, что происходили в сердцах и умах *тени peuple*, простых людей. Длительное взаимодействие между исламом и христианством, которое я могла бы выявить в жизни и творчестве «Жана Леона Африканца», должно быть, воспринималось мною тогда как слишком заурядная религиозная ситуация, не требовавшая анализа.

В середине 1990-х годов отношения между европейцами и неевропейцами стали центральным вопросом, причем диаметрально противоположные, крайние точки зрения вызывали протесты и возражения. Такие ученые, как Хоми Баба, формировали представления о культурных связях между колониальным населением и колонизаторами в Индии в категориях «гибридности», а не четких «различий» и «инаковости». Категории господства и сопротивления по-прежнему оставались необходимыми для понимания

1. Historiale Description de l'Afrique, tierce partie du monde... Escrite de nôtre tems [*sic*] par lean Leon, African / Trad. par Jean Temporal. Lyon, 1556/1557. На титульном листе указан в качестве даты публикации 1556 год, но в привилегии Генриха II Жану Тампоралю сказано, что печатание завершилось 4 января 1556 года по старому времяисчислению, то есть 4 января 1557 года по новому.

прошлого, но американский историк Ричард Уайт сумел тогда отвлечься от них и обозначить некую промежуточную зону, в которой разворачивались дипломатические, торговые и иные формы взаимодействия между коренными американцами и англичанами, селившимися на их исконных землях. Пол Гилрой разработывал свою концепцию «Черной Атлантики», «выводя обсуждение политической культуры чернокожих за рамки бинарной оппозиции между представлениями коренного населения и мигрантов... размещая мир черной Атлантики в переплетенной системе связей, между локальным и глобальным». Я тоже переосмысливала эту Атлантику, когда описывала европейских «дам на обочине» в контакте с ирокезскими и алгонкинскими женщинами в Квебеке или с жительницами Карибских островов и африканками в Суринаме¹.

Этот момент показался удачным, чтобы вернуться к Жану Леону Африканцу, которого я начала в мыслях называть именем ал-Хасан ал-Ваззан, потому что он носил его большую часть своей жизни. Теперь у меня появились семейные связи в его краях, в Марокко и Тунисе. На его примере я могла исследовать, как человек перемещается между различными политическими системами, как прибегает к всевозможным культурным и социальным приемам, то сплетая их вместе, то разделяя, чтобы выживать, познавать, писать, устанавливать отношения, осмысливать общество и себя самого. Я попыталась понять, давалось ли это легко или с усилиями, приносило радость или разочарование. Как и у некоторых других героев моих работ, случай ал-Хасана ал-Ваззана — из ряда вон выходящий, ведь североафриканские мусульмане в большинстве своем не попадали в плен к христианским корсарам, а если и попадали, то их не передавали папе римскому, — однако

1. *Bhabha H.* The Location of Culture. New York; London, 1994, гл. 1, 6, 10; *White R.* The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge, 1991; *Gilroy P.* The Black Atlantic. Modernity and Double Consciousness. Cambridge, 1993. P. 29; *Zemon Davis N.* Women on the Margins: Three Seventeenth-Century Lives. Cambridge, 1995 (рус. пер.: *Земон Дэвис Н.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / Пер. Т. Доброницкой. М., 1999; 2021).

нерядовой случай часто выявляет закономерности, присутствующие и не столь необычайным обстоятельствам и их описаниям¹.

Когда я преподавала в Лионе, один неевропеец, иммигрировавший во Францию, довел до моего сознания более серьезную опасность. Он потребовал, чтобы я говорила не столько о культурном обмене и стратегиях адаптации приезжих (частично неявных), сколько о жесткой политике правительств по отношению к иностранцам и об экономической и сексуальной эксплуатации иммигрантов. Я серьезно отнеслась к его предостережению — отношения господства и отношения обмена всегда каким-то образом взаимодействуют — и, рассказывая об ал-Хасане ал-Ваззани, отмечаю, когда он находился во власти хозяина, или похитителя, или какого-нибудь правителя.

Годы жизни ал-Ваззана, то есть последние десятилетия XV века — первые десятилетия XVI века, были наполнены политическими и религиозными переменами и конфликтами. В восточной части мусульманского мира активизировались турки-османы, воевавшие не только с соседями-шиитами в Персии, но и с собратьями-суннитами, правителями Сирии и Египта. В Магрибе (как называли западную часть исламского мира), и особенно в Марокко, суфийские религиозные движения и вожди союзных племен грозили расшатать авторитет, на который опиралась политическая власть. В христианской Европе находилась на подъеме династия Габсбургов, которая, благодаря ловко заключенному браку, прибавила к власти над Священной Римской империей еще и контроль над Испанией. Французские монархи бросали Габсбургам вызовы на каждом шагу, если не в их растущей заморской империи, то в борьбе за власть в Европе, и особенно в Италии. В то самое время, когда полный энергии католицизм

1. Некоторые примеры такого подхода см. в работах: *Spitzer L. Lives in Between: Assimilation and Marginality in Austria, Brazil, West Africa 1780–1945. Cambridge, 1989; García-Arenal M., Wiegers G. A Man of Three Worlds: Samuel Pallache, a Moroccan Jew in Catholic and Protestant Europe. Baltimore, 2003.*

придавал новую силу правлению испанских монархов, в Германии разрасталось и противилось власти пап над церковью лютеранское движение. А пока конфликты разворачивались внутри ислама и христианства, продолжалось и их взаимное противостояние: испанцы и португальцы одерживали победы на самом Пиренейском полуострове и в Западном Средиземноморье, османы — на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Тем не менее парадокс, часто встречающийся в истории, заключается в том, что в эти десятилетия через те же границы шел самый оживленный обмен — люди торговали, путешествовали, обменивались идеями, книгами и рукописями — и во множестве складывались и распадались союзы, превращавшие врагов во временных соратников. Таковы были миры, как мы увидим более детально, в которых играл свою роль герой этой книги.

Я стремилась как можно обстоятельнее отразить место ал-Хасана ал-Ваззана в обществе Северной Африки XVI века, населенной берберами, андалузцами, арабами, евреями и темнокожими, в то время как европейцы все усиливали натиск на ее границы; описать дипломатические, научные, религиозные, литературные и сексуальные представления, которые он мог бы привезти с собой в Италию; показать его реакцию на христианское европейское общество — что он узнавал, что его интересовало и что тревожило, что он делал, как менялся и особенно как писал, находясь там. Я создавала портрет человека с двойным видением, который нес в себе два культурных мира, иногда воображал две читательские аудитории и использовал приемы, заимствованные из арабского и исламского репертуара, по-своему внося в них европейские элементы.

Когда я занималась ал-Хасаном ал-Ваззаном, мне не давали покоя безмолвие современных ему документов и кое-какие противоречия и загадки в его собственных текстах. Скажем, читая письма покровителя, для которого ал-Ваззан готовил рукопись, я затаив дыхание искала упоминания его имени и в разочаровании закрывала папку, не найдя его. Встречая противоречивые или неправдоподобные

утверждения, например, о времени его путешествий или о событиях жизни, я изо всех сил пыталась их прояснить, но терпела неудачу так же часто, как и преуспевала. Обнаруживая, что сам он ничего не пишет о таких предметах, которые, по-моему, должны быть близки его сердцу, я неодобрительно прищелкивала языком. Наконец, я поняла, что молчание, отдельные несоответствия и загадки характерны для ал-Ваззана и что я должна принять их как ключи к пониманию его личности и его положения. Какой человек прибегает к умолчаниям, описывая общества, в которых сам вращался, и времена, в которые сам жил? Какой автор оставляет текст с загадками, противоречиями и выдумками?

Мой замысел состоит в том, чтобы опереться на данные о людях, местах и текстах, с которыми, согласно надежным свидетельствам, он точно или предположительно был знаком, а на дополнительных источниках обо всем этом воссоздать то, что он мог бы видеть, слышать, читать или делать. Повсюду мне приходилось использовать условные обороты — «мог бы», «наверное, мог», «вероятно, мог бы» — и умозрительные «предположительно», «может быть». Таким способом я приглашаю читателя проследить правдоподобную историю жизни по современным ей материалам. Труды ал-Ваззана составляют стержень моего рассказа, причем не только их фактическое содержание, но и стратегии и менталитет их автора, насколько можно их вычислить, основываясь на его рукописях и их языке. Изменения в появившихся позднее печатных текстах книги об Африке намекают на то, каким человеком предпочитали видеть его европейцы.

Проделав такой путь вместе с ал-Хасаном ал-Ваззаном, я постаралась разгадать, чем закончилась его история, когда он переправился через Средиземное море обратно в Северную Африку. Каков был итог его жизни и его наследия? Может быть, воды Средиземного моря не только отделяли север от юга, правоверного от неверного, но и соединяли их посредством схожих стратегий притворства, игры, перевоплощения и спокойного поиска новых знаний?